

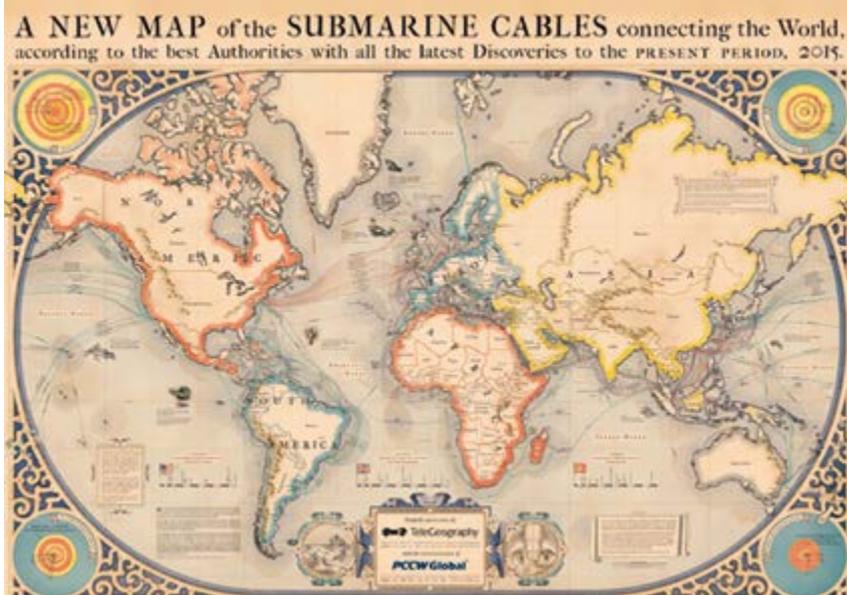
> Рис. 1. «Всеобщая карта морских интернет-кабелей», представленная в жанре инфографической ретростилизации Американской телекоммуникационной компанией TeleGeography

Статья посвящена анализу фундаментальных смысловых изменений в дискурсе отношений глобального и локального под влиянием исторического и актуального опыта коммуникации и изоляции в развитии человеческой цивилизации.

Ключевые слова: глобальное и локальное; территория; изоляция; коммуникация; культурный ландшафт; волна; вирус. /

The article analyses fundamental semantic changes in the discourse of the relations between the global and the local under the influence of the historical and current experience of communication and isolation in the course of human development.

Keywords: global and local; territory; isolation; communication; cultural landscape; wave; virus.

Глобальный изолятор / A global isolation unit

Ты помнишь, как все начиналось...

Начну с важного. Я пишу этот текст в условиях карантинной самоизоляции, в тревожные дни, когда весь мир охвачен пандемией коронавируса COVID-19, когда под натиском всеобщей, сквозной, не ведающей границ и расстояний угрозы планета людей будто сжалась в комочек, когда человеческая цивилизация в поиске высшей защиты словно бы свернулась в позу эмбриона, и это ее бессознательное желание вернуться в уютное и безопасное дорожное состояние свидетельствует о чувстве критического отрыва общего тела человечества от материнского тела Земли. Осознание этого отрыва на наших глазах генерирует совершенно новую планетарную реальность.

Собственно говоря, сюжет отрыва человеческого вида (и всех плодов его материально-производственной деятельности, включая архитектуру) от Земли не нов. Подростковое стремление человека освободиться, преодолеть родительскую гравитацию планеты, оторваться от Земли, от места родовой памяти и локальной традиции – это огромная многовековая история, включающая многочисленные события географических перемещений, бегства, этнических миграций, трансконтинентальных транзитов – от многолетних всенародных скитаний библейской древности до персонифицированных полетов в космос в наши дни. И надо заметить, что в этой истории на протяжении веков все более и более обнаруживается фрагментация единого некогда тела человеческой цивилизации, нарастающая дискретность, приходящая на смену архаической слитности человеческой популяции. Социальная эволюция человека на протяжении многих веков наращивала параллельно два вектора его эмансипации: во-первых, освобождение от родовой связи с телом планеты и, во-вторых, индивидуальный отрыв от тела родительского (в широком смысле) сообщества.

Начавшаяся более пяти веков назад эпоха Великих географических открытий не только породила новую антропологическую ситуацию, но, только задавала небывалую картину осознания человечеством своих отношений с телом планеты, но и сформировала особый тип современника – героя-авантюриста, морского путешественника-первооткрывателя. Колумб, Магеллан, Васко

да Гама, Америго Веспуччи и многие, многие другие предприимчивые пассионарии эпохи радикально изменили саму антропологию движения. Эти герои, самоопределившиеся в своих целях и миссиях в немыслимом ранее глобальном масштабе, ступали на палубы кораблей, предпочтя надежной тверди континента полные опасностей и непредсказуемых угроз хляби океана. Они пускались в беспрецедентно авантурные истории с неизвестным и негарантированным концом, они расчерчивали поверхность планеты небывалыми географическими пунктирами, они стремительно перекраивали всю ранее сложившуюся картину мира, изменяя образ отношений локального и глобального, ментально трансформируя весь земной культурный ландшафт.

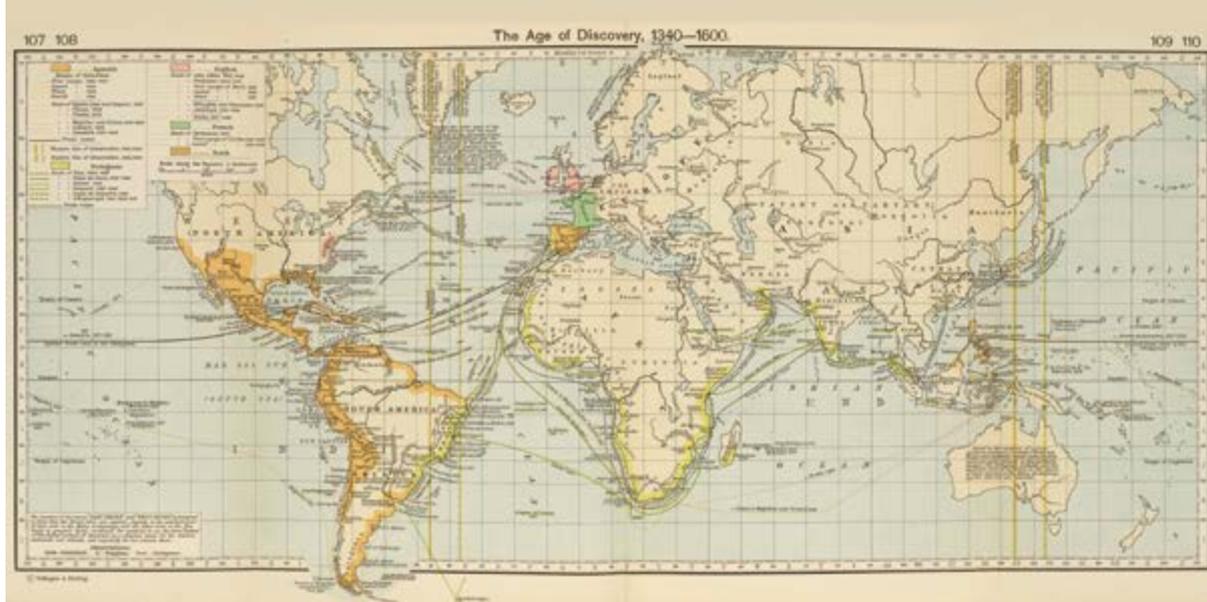
Если, скажем, слитное движение огромных человеческих масс в эпоху Великого переселения народов происходило в силу стихийной неизбежности, под давлением неустрашимых внешних факторов (вторжение гуннов, климатический пессимум раннего Средневековья и др.), если миграции времен Крестовых походов получали начальный динамический импульс от взрывного союза религии с демографией, то движение титанов эпохи Великих географических открытий в огромной степени было инспирировано их собственной индивидуальной волей. По справедливому выражению Фридриха Энгельса в его «Диалектике природы», «<...> это был величайший прогрессивный переворот из всех пережитых до того времени человечеством, эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености».

Эта историческая артикуляция роли отдельного человека в энергетических пульсациях и перестройках всей антропосферы предвосхитила за полтысячелетия до наших дней идею прямой деятельной связи каждого отдельного человека одновременно со всем земным миром и со всеми другими людьми. За несколько веков до носферных теорий В. И. Вернадского и Тейяра де Шардена она проявилась как практическая и пророческая интуиция. Уже тогда тяжелая статика суши, сплавленной, вроде бы, из многих локальных территорий, но при этом рассеченной границами культур и цивилизаций, наций и государств, этносов и социумов, начала уступать место

текст

Леонид Салмин /
text
Leonid Salmin

> Рис. 2. Карта морских путешествий XIV – XVI веков

единой, обнимающей мир, подвижной, бесконечно волнующейся и изменяющейся стихии воды.

Вызов, брошенный человечеством (в лице самых отчаянных своих сынов) воде – бескрайнему, неустойчивому, непостоянному континууму мирового океана – важнейший перелом в понимании человечеством своих отношений с телом планеты. Движение по воде, стремительно нарастающие динамика и количество водных коммуникаций были прочувствованы и поняты как стратегический футуро-сценарий развития планетарной цивилизации. Практики межконтинентальных водных путешествий рождали и пестовали дух глобализма и свободы. Планета начала опутываться все более и более густой паутиной водно-транспортных путей. Категории движения, скорости, колебания, нелинейности впервые определяли вдохновляющую альтернативу тяжелой, монолитной статике сухопутного прошлого.

Корабль стал главным архитектурным образом и символическим концептом эпохи. Никогда ранее архитектура корабля, продиктованная опорой на колеблющуюся, волнующуюся, а то и штормящую материю воды, не была так вызывающе противопоставлена архитектонике наземных сооружений, чей строй был определен геологической статикой почвы, пространственно-временной надежностью и предсказуемостью гравитации. Корабль, как ни парадоксально, овеществлял одновременно и ветхозаветную тему избранности и спасения (Ной), и новозаветную идеологему богоподобия человека, вослед Спасителю предлагая ему «ходить по воде, аки посуху». То есть (в переводе с религиозно-символического языка на обыденный) чувствовать себя уверенно и, по возможности, надежно и безопасно в мире больших перемен и дерзких вызовов. Настоящий корабль представлял как практическая альтернатива символическому кораблю храма. И если до сих пор сакральный ковчег храма обеспечивал возможность вертикальной коммуникации с Богом, то реальный корабль отныне задавал иной, горизонтальный вектор коммуникации между людьми, мыслившими себя не только созданными по образу и подобию Творца, но и способными перекраивать созданный им мир по своему усмотрению. Прежние, консервативные авторитеты, принадлежавшие, как правило, к вершинам

общественных иерархий и столетиями служившие гарантами пирамидальной архитектоники и неизбежности мироустройства, оказались значительно потеснены новыми. Подлинными героями эпохи стали предприниматели (в самом глубоком смысле этого слова) – люди, одержимые энергией познания, движимые натуралистическим любопытством, скептики, оптимисты, экспериментаторы – путешественники и коммерсанты, инженеры и медики, исследователи и писатели, архитекторы и художники.

Опыт воды и корабля, опыт захватывающих путешествий с их эмоциональным экстримом, психологическим волнением, экзальтацией, взвинченностью в полной мере отразился в культуре барокко. Барокко, пожалуй, первое подлинно глобалистское стилистическое явление в культуре. Именно в контексте барочного мировосприятия жест отдельного человека (не только суверена или жреца, короля или епископа) обретал поистине героический, порой космический масштаб, становясь индивидуальным выражением исторических устремлений масс. Искусство и архитектура барокко впитали это небывалое, ураганное чувство пространственной открытости мира, эту хореографию свободы, дав им пластическое выражение небывалой силы. Барокко неотделимо от идеи пространственной экспансии. В мире, множившем транспортные и торговые коммуникации, географические открытия и завоевания, язык барочной архитектуры стал в одних случаях предметом рационального планетарного экспорта, в других – своеобразным иррациональным гештальт-вирусом, распространявшимся через моря и океаны и проникавшим в сложившиеся локальные культурные организмы.

Эпоха барокко, переплетаясь с эпохой Великих географических открытий, не только наполнила напряжением и драматизмом отношения между медленным, привычным миром суши и стремительным миром воды. Она противопоставила планетарный охват мира локальному географическому микродосуду, она вознесла вездесущую энергию волны над пассивностью камня. В самых разных регионах мы можем видеть огромное множество примеров того, как волнообразная пластика барокко расплескивается по доставшимся в наследство роман-

^ Рис. 3. Альбрехт Дюрер. Носорог. Гравюра. 1515

^ Рис. 4. Вид европейского портового города. Ксилография. XV в.

ским и готическим каменным остовам храмов и дворцов, как затопливает собой прежний мир неколебимых устоев и тысячелетних правил.

Волна – не просто пластический код барокко или поэтический иероглиф эпохи Великих географических открытий. Волна – важнейший образ символической, а значит, и смысловой перестройки мира. Свойство волны бесконечно распространяться, преодолевая своими колебаниями границы и расстояния, обтекая препятствия, отрицает силу места, отвергает всеильную, как казалось, статику локального контекста. Волна утверждает единство и сквозную проницаемость мира. Именно этим важен опыт человеческих дерзновений далекого прошлого, связанный с освоением стихии воды как фактора мирового развития и глобализации. Именно это позволяет считать, что революция отношений локального и глобального началась за четыре столетия до того, как деятельность Джеймса Максвелла, Томаса Эдисона, Николы Теслы и многих других практически прочертила вектор дальнейшего развития человеческой цивилизации в направлении глобального единства энергетических, информационных и многих других связей.

К чему был весь этот длинный пассаж с погружением в реалии полутысячелетней давности? К тому, что сегодня, живя в мире невидимых, но вездесущих электромагнитных волн, коммуникационных сетей и интернета, всех этих связывающих нас воедино и колеблемых вселенским ветром паутин, мы должны понять, что та парадигма, в которой локальное и глобальное соотносились между собой, прежде всего, масштабно и иерархически, начала трещать по швам давным-давно, намного раньше, чем кажется.

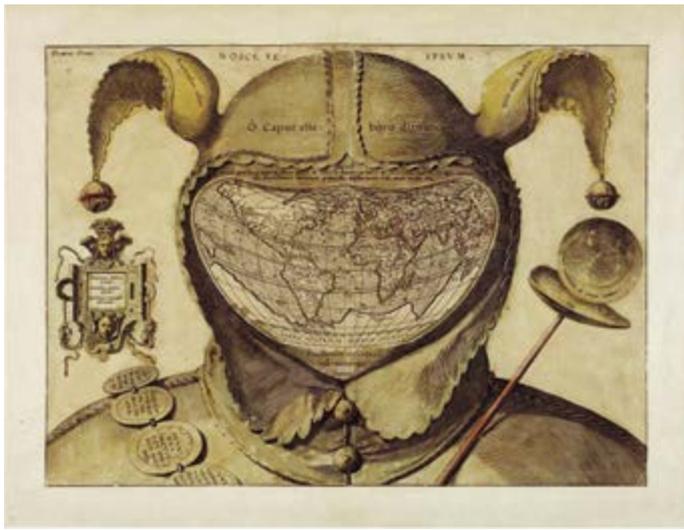
Давно ставшая привычной, затертой до смысловой выхолощенности оппозиция регионального и глобального, локального и всепланетарного, по сей день традиционно задающая, в частности, логику разговора об отношениях между местными архитектурно-дизайнерскими традициями, с одной стороны, и интернациональными трендами формообразования, с другой, коренится во времени не просто стремительно уходящем в прошлое, но уже де факто ставшем на наших глазах окаменелой архаикой.

Чума на оба наших дома

Теперь от физики волны – к медицине, микробиологии, вирусологии, эпидемиологии и т. п. Ко всему тому, что разворачивает перед нами картину человеческой цивилизации как не только ментального, но, прежде всего, органического единства, как биосоциальной популяции, не менее внутренне связанной и самозависимой, чем комариный рой, рыбный косяк или муравейник. Речь идет о клиническом и социальном опыте человечества как единого тела, как планетарного телесного континуума, наделенного способностью самосознания и деятельностью духа.

Год назад я написал статью «Город и чума», которая была опубликована в «Проект Байкал», посвященную влиянию чумных эпидемий на историю развития городов и урбанистической культуры. Это отчасти избавляет меня от необходимости повторяться и вновь анализировать те фундаментальные последствия для человеческой цивилизации, которые порождает всякое подобное чуме моровое бедствие, распространяющееся по планете с неостановимостью океанической волны. Сегодняшний коронавирус, как и бацилла чумы в XIV – XVIII веках, есть история уже не физической (водной или электромагнитной), а биологической волны, столь же невидимой, но обретающей масштаб и силу цунами и мгновенно приводящей к «схлопыванию» всех выстроенных человечеством иерархических социальных конструкций, причем почти одновременно в самых разных удаленных друг от друга на тысячи километров локациях. Если пять-шесть веков назад приносимая сухопутными караванами, приплывавшая на кораблях чума могла как биологически, так и экономически «обнулить» целый континент, то ныне разнесенный на трансконтинентальных крыльях мировой авиации COVID-19 очевидно претендует на «обнуление» планеты людей в целом (или, по крайней мере, является генеральной репетицией такого «обнуления»).

Уже времена чумы дали человечеству драматический опыт отношения между локальным и глобальным, свидетельствующий о том, что противопоставление планетарного и регионального в любом контексте, в любой сфере человеческой деятельности (и прежде всего, в сфере безопасности общего тела человеческой цивилизации) –

^ Рис. 5. Карта Мира, помещенная в голову Дурака. 1590

^ Рис. 6. Рене Магритт. Влюбленные. 1928

не более чем риторическая формула, свойственная такому типу мифологического сознания, которое одержимо комплексом патриотического «центропулизма» и для которого его место обитания, его локальная территория или регион есть избранный, богохранимый, защищенный от всех напастей центр мира.

Еще более убедительно обнаруживает несостоятельность оппозиции локального и глобального вирусная пандемия. «Посмотрите! – говорит нам всеисильный вирус, – что толку в том, что вы принадлежите одному месту, что весь ваш мировоззренческий горизонт, как и весь ваш жизненный опыт, сформированы крошечным кусочком земной поверхности? Всепроникающая волна болезни накрывает вас так же стремительно, разрушительно и беспощадно, как и жителей других географических гетто. Если вы думаете, что бедствие, постигшее город, расположенный за тысячи километров от вашего, не имеет к вам непосредственного отношения, то, как говорится в рекламе, «тогда мы идем к вам!». Идем, едем, летим, плывем – в общем, продвигаемся к вам всеми современными путями и способами». В сегодняшнем мире любая новая «чума» (независимо от того, в каких лабораториях – природы или науки – она создана) с неизбежностью падает на всю планету и на все ее отдельные фрагменты, а, значит, «на оба наших дома» – и на малый, в стенах которого мы привыкли жить как в защищенном от напастей центре мира, и на большой, космический, образ которого мы видели лишь на картинках, фотографиях и в виде школьного глобуса (если, только мы не профессиональные космонавты).

Ограниченное узостью географического, территориального, ландшафтного и культурного опыта, региональное, местное сознание привыкло противопоставлять себя абстракции глобального пространства, оборачивая это противопоставление в риторические одежды традиции, патриотизма и т. п. Однако по сути всякое локальное отрицает вовсе не глобальное, с которым сегодня оно, напротив, системно связано – и отнюдь не мифологическими представлениями об устройстве мира, а реалиями единой мировой экономики, информационных коммуникаций, торговли, политики, экологии, ресурсов и прочего.

В действительности, под видом борьбы с глобализмом, локальное отрицает самое себя прежнее. В сегодняшней действительности всякое локальное, на протяжении многих веков истории практически скрытое от большого мира, оказывается словно бы на сцене, под лучами прожекторов и перед биноклями миллионов наблюдателей. В этих условиях место, в лице его обитателей, вынуждено исторически «взрослеть», самоопределяясь уже не в отношениях с другими местами и ближайшими географическими соседями, и даже не в отношениях с глобальной сценой, пронизанной круглосуточным тотальным вуайеризмом, а в отношениях с самим собой, со своей самостью, со своим прошлым и будущим.

Конечно, перед лицом угрозы, в соответствии с эгоистическими интересами человеческих сообществ, населяющих отдельные кусочки поверхности планеты – их стран, государств, территорий и мест – человеческая цивилизация стремительно пытается, по старой памяти, фрагментироваться, рассыпаться на отсеченные от внешнего мира непреступные крепости. Первая реакция на испытания пандемией – самозамыкание, ограничение свобод, ужесточение норм общественной дисциплины и т. п. При всей объективно-научной оправданности подобных действий современная человеческая цивилизация тут же спотыкается о методологическую устарелость такой стратегии. Вирусные волны впервые с такой силой плещут по всей антропосфере, по всем членам единого тела человечества, тогда как самоизолировавшиеся национальные крепости полны дыр в стенах.

Ясно, что на этом фоне продолжающиеся в различных профессиональных средах мантры о противостоянии глобального и локального есть замаскированный дискурс страха перед большим и неведомым – страха, который, одолевая границы и расстояния, превозмогли титаны прошлого, но который, в подавляющем большинстве, не в состоянии превозмочь привыкший к комфорту локального быта наш современник.

Isola Bella

На наших глазах впервые в истории человечества произошло удивительное: применяя нажитые научные, экономические, социодемографические, эпидемиологи-

ческие и всякие прочие знания, человечество сознательно и ответственно (полагая, что делает это лишь на время борьбы с пандемической опасностью) демонтировало единое планетарное пространство своей жизни, разграничив его на миллионы карантинных ячеек. В эти дни Земля превратилась в глобальный изолятор, впервые несущийся по своей космической орбите в новом качестве. Глобальные информационно-коммуникационные сети полны свидетельств того, как природа, повсеместно ощутив сжавшееся в карантинные комочки человечество, расправила плечи и впервые за долгое время вздохнула полной грудью – очистилась вода городских каналов, черепахи тысячами выползли на опустевшие пляжи, бобы пришли на городской пруд, птицы наполнили пением обезлюдившие кварталы... Ситуация явила человечеству если и не образ рая на земле, то, во всяком случае, образ альтернативного сценария развития цивилизации.

Этот удивительный опыт глобальной изоляции еще породит в будущем вал разнообразных рефлексий – от философских, социально-психологических и художественных, до естественнонаучных, экономических и политических. Я приведу здесь собственную рефлексию – скорее, поэтическую. Точнее говоря, не столько даже рефлексию, сколько интуицию. Ибо выражена она была коротким лирическим текстом, написанным однажды, два с половиной года назад, когда я сидел на балконе гостиничного номера в Таормине, что на восточном берегу Сицилии, и наслаждался открывавшимся напротив видом на маленький живописный остров под простым и милым названием *Isola Bella* (в переводе с итальянского «Прекрасный остров»). Вот этот текст, написанный на смартфоне, в условиях лучшей из возможных самоизоляции.

Прямо из окна вид на море. Ионические воды по всей ширине обзора бесшовно соединяются с небом, образуя тонкий цветовой градиент. В сотне метров от берега на протянувшейся к нему тоненькой ленточке суши, исчезающей под водой в часы прилива, словно на поводке, горбатится заросший мохнатой зеленью живописный островок, именуемый Изолабелла (*Isolabella*).

Я смотрю на это некогда частное владение и думаю об удивительной прозрачности итальянского языка, всегда ласкающего русское ухо ощущением узнавания и понимания. «*Isola*» значит «остров». «*Bella*» – прекрасный. Я смотрю на Прекрасный остров и повторяю его исполненное латинской ясности имя. Остров – это изолированный кусочек суши, часть земли, пребывающая в изоляции. Изоляция островка Изолабелла не постоянна. Он остров – лишь во время прилива, когда вода прибывает, и попасть на него можно, пройдя с полсотни метров по колено в воде. Во время отлива он превращается в полуостров, и тогда можно не снимать обувь. Такая временная изоляция (*isola*) действительно прекрасна (*bella*), поскольку дает гармоничный баланс связи с целым и независимости от него. При том, что островок Изолабелла выкуплен из частного владения и является собственностью Сицилии, у него всегда есть возможность ощущать свою самостоятельность. Особенно во время прилива. Сицилия – тоже *isola*. Но ее изолированность постоянна – настолько, насколько постоянно соединение Тирренского и Ионического морей. Связь же с Апеннинской континентальной сушей обеспечивают паромные переправы и политическое устройство Итальянской республики.

Я смотрю на Изолабелла и думаю о нашем островном состоянии, о нашей прекрасной временной изоляции здесь, на Сицилии. Это ведь действительно тот несчастный для русского уха случай, когда словосочетание «временная изоляция» вполне сочетается с прилагательным «прекрасная». Наверно, можно было бы ввести в русский

язык новое слово для обозначения такой прекрасной изоляции – «островление». В часы отлива оно становилось бы «полуостровлением», а во время высокой воды – «острым островлением»...

Впрочем, не стоит, пусть лучше будет просто и красиво – Изолабелла.

Возвращаясь к отношениям глобального и локального, нельзя не заметить, что нам еще лишь предстоит понять подлинные смыслы, связывающие бесчисленные микрокосмы нашего повседневного локального существования с макрокосмом планеты. Сегодня, в силу обстоятельств, мы всю планету ощущаем как микрокосм, как наш общий остров, как данный нам по праву счастливого рождения космический *Isola Bella*. Хочется верить, что именно для этого отпущен всем нам – вместе и одновременно – этот неведомый ранее, удивительный и бесценный – опыт глобального изолятора.

Литература

1. Энгельс, Ф. Анти-Дюринг. Дialeктика Природы. – Москва: Изд. «Эксмо», 2017. – 832 с.
2. John H. Parry. The Age of Reconnaissance: Discovery, Exploration, and Settlement, 1450–1650. Published January 8th 1982 by University of California Press. – 384 p.
3. Магидович, В. И., Магидович, И. П. Эпоха великих открытий: I период (до середины XVI века). – Москва: Изд. «Аванта+», 2010. – 320 с.
4. Бауэр, Г., Пратер, А. Барокко. – Москва: Изд. «Арт-родник», 2007. – 96 с.
5. Дасса, Ф. Барокко. Архитектура между 1600 и 1750 годами. – Москва: Изд. АСТ, «Астрель», 2002. – 160 с.
6. Салмин, Л. Город и чума // Проект Байкал. – 2010. – № 60. – С. 64–69
7. Лидин, К. Скан сетчатки города: Визуальное выражение идентичности городов и конкуренция между ними // Проект Байкал. – 2019. – № 61. – С. 155–161

References

- Bouer, H., & Prater, A. (2007). Baroque. Moscow: Art-rodnik.
- Dassas, F. (2002). Barokko. Arkhitektura mezhdu 1600 i 1750 godami [Baroque. Architecture between 1600 and 1750]. Moscow: AST, Astrel.
- Engels, F. (2017). Anti-Duhring. Dialektika prirody [Anti-Duhring. Dialectics of nature]. Moscow: Eksmo.
- Lidin, K. (2019). The city's retina scan. Project Baikal, 16(61), 155-161. Retrieved from <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/1520>
- Magidovich, V. I., & Magidovich, I. P. (2010). Epokha velikikh otkrytii: I period (do serediny XVI veka) [The epoch of great discoveries: the first period (until the middle of the XVI century)]. Moscow: Avanta+.
- Parry, J. H. (1982). The Age of Reconnaissance: Discovery, Exploration, and Settlement, 1450–1650. University of California Press.
- Salmin, L. (2019). The city and the plague. Project Baikal, 16(60), 64-69. Retrieved from <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/1475>

< Рис. 6. Джованни Томмазо Боргио. Эскиз карнавального костюма. 1647